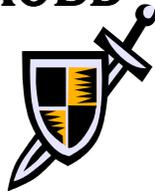

тем, как мы завладеем справедливостью ее приговора или молча согласимся с ее осуждением, внутри нас бесспорно будет выработано Духом Святым некоторое горькое экспериментальное общение со страданиями Христа. Наши грехи разоблачат нас, и смерть обнаружится грехом. Мы ощутим ту ужасную работу нашего Судии с нашими совестями. Будет сильный плач и слезы; вероятно, тьма оставления, раздирающее сердце и ощущение заслуженного гнева, пронзающее душу как меч обоюдоострый. Это может быть задолго до того, как мы отдадим Богу душу душевного человека и навеки отречемся от всякого упования на него. Но однажды получившие право считать себя мертвыми в Нем, какое же это наше освобождение! Стоя возле креста сейчас, мы распознаем во мраке и силе тьмы, которые собралась вокруг него, ту «тьму внешнюю», которая была нашей навеки вне Христа. В том жалобном «Или, Или!» мы слышим, что было нашим плачем отчаяния безответным навеки, кроме того, что мы были найдены в Нем. В этом страшном раздирающем плаче, который освобождает дух, мы владем соответственной наградой наших поступков, в то время как признаем, что этот человек ничего дурного не сделал. Но теперь все это прошло навеки, как для Него так и для нас, как только было сказано: «Свершилось!» И вот! предшествующие проблески воскресения осеняют нас. Свет определенной и торжественной надежды входит в наше сердце. Помня, что мы соединены с Ним, Который сказал: «Я полагаю жизнь Мою, чтобы опять взять ее», мы прекращаем плакать и следуем за Ним, говоря в тот час как мы спешим вперед: «Если же мы умерли со Христом, то веруем, что и жить будем с Ним.» (Рим. 6:8).

ЧАСТЬ 2

Доктор Теологии А.Д. Гордон (1872 г.)

Библейская Баптистская Церковь "Вера"

пер. Пулковский 4 - возле трамвайной остановки
«Краснодарская и Тракторостроителей»
г. Харьков 1999
перевод Лищук Л.В. ©2008

РАСПЯТИЕ ВО ХРИСТЕ

«Я сораспялся Христу. И уже не я живу, но живет во мне Христос.» (Галатам 2:19б, 20а)

«Зная то, что ветхий наш человек распят с Ним, чтобы упразднено было тело греховное, дабы нам не быть уже рабами греху.» (Римлянам 6:6)

«Но те, которые Христовы, распяли плоть со страстями и похотями.» (Галатам 5:24)

«Это один из самых великих принципов Христианства», – говорит Паскаль, «все, что произошло со Христом Иисусом, должно произойти в душе и теле каждого Христианина.»

Если по вере я есть одно с моим Искупителем, тогда тот термин «Христос распятый» включает еще один термин «Я сораспялся Христу.» Поэтому мы без каких-либо средств достигаем истинной меры нашего наследия на кресте, когда мы считаем смерть Христа как формальную сделку, посредством которой Он, тысяча девятсот лет назад, заплатил долг, принадлежащий нам и, таким образом, обезопасил наше освобождение от этого обязательства; у нас нет никакой другой связи с этим событием, как только та, что мы являемся получателями ее благословений. Павел видел более богатое наследие для святых, чем это. Ибо с тем ключом, *во Христе*, который открывает для верующего все области Христианской доктрины и жизни, Он разрешает нам войти в «участие Его страданий».

Великой мыслью, которая наполнила его ум, было его единство с его Господом, единство не только в настоящем или будущем, но одинаково и в прошлом. И поэтому он высказывает те великие, но и ужасные слова: *«Я сораспялся Христу»*, в которых он несет себя обратно ко кресту и представляет себя как отождествленного с Искупителем, что он был с Ним в Его муках и послушании до смерти, разделяя таинственным общением не только добродетели, но и переживание божественного наказания.

И то, что было правдой для него, это является правдой для всех тех, кто пришел в такое состояние, выраженное словами *«во Христе Иисусе.»* То, что распятие произошло столетиями назад, это совсем не отделяет нас от него. В тот час, как историческое событие, мы приписываем его к специальному времени и месту; как моральное событие, оно относится ко всему времени, и оно настолько близко к нам, как к Иоанну или Мариям. «Бог явился во плоти», – говорит теолог Колеридж, «это вечность в форме времени». Христос распятый – это вечный факт, осуществленный в определенный день, тем не менее он касается всего времени с одинаковой близостью. Он есть «Агнец, закланный от создания мира» (Откр. 13:8). В очах Я Есмь, для Которого все время является настоящим сейчас, этот

центральный факт веков, распятие, является вездесущей реальностью; и все души, которые стоят в моральном отношении к нему, так стоят и стояли навеки.

Поэтому это может мало значить «знать Христа по плоти». Духовный союз полностью независим от всех обстоятельств времени и пространства. В глубине интимности не может быть никакой разницы между верующим сегодня и теми верующими, которые знали нашего Господа на земле, с тех пор как «одним Духом крестились *в одно тело*» (1-е Кор. 12:13) и поэтому *в одну смерть*, с тех пор «все мы, крестившиеся во Христа Иисуса, в смерть Его крестились» (Рим. 6:3).

Мы знаем, как глубоко через родство плоти человек мог разделить Христово распятие! Мы можем легко поверить, что мать, наблюдавшая у подножья креста за агониями своего страдающего Сына, переживала в своем собственном сердце всю остроту Его смерти, что когда воины пронзили Его бок копьем, она знала со своего собственного опыта горечь значения пророчества пожилого Симеона: «И тебе *самой оружие пройдет душу*» (Лк. 2:35). Но с тех пор как мы узнали насколько же Христос роднее сейчас всем Своим братьям Духом, будет ли казаться что-нибудь менее реальным в словах того, кто верою прижимает к своему сердцу тот же крест искупления, говоря: «Я сораспялся Христу»?

Мы не можем предположить глубочайшее понимание тайны того общения, посредством которого мы становимся участниками в Христовой смерти. И все же сейчас это кажется ясным, как она должна выйти из терминов воплощения. Христос, став человеком, взял наше человечество в партнерство в Свою жертвенную работу. Поэтому Его смерть не просто что-то пожертвованное человечеству как наследие любви; это что-то нарастающее на ней в этом партнерстве жизни. Но, как Он должен быть одно с нами через воплощение, чтобы дать нам часть в Его умирании, так и мы непременно должны быть одно с Ним верою, чтобы мы могли принять участие в Его умирании.

Есть внутренний и внешний круг искупления, если можно так сказать, оба имеют общий центр на кресте. Круг побольше описывает границы возможного и предварительного спасения; круг поменьше описывает границы настоящего и осознанного спасения. Весь мир осмысливается в первом кругу; только те, которые верят, включены в другой круг: «Бог, Который *есть Спаситель всех человеков, а наипаче верных*» (1-е Тим. 4:10). Отношения ко Христу, которых придерживаются те люди из внешнего круга, это отношения членов человеческой расы к ее второй Главе. Отношения ко Христу, которых придерживаются те люди, которые находятся во внутреннем кругу – это отношения членов Тела Христова к Главе Церкви. Первое отношение отдает Христово искупление предварительно искуплению каждого индивида расы; второе – отдает это искупление фактически таковым каждому истинному верующему. Поэтому когда апостол говорит: «если один умер за всех, *то все умерли*» (2-е Кор.

разрывая каждый завет, который мы заключили с Богом – смотрите, этот враг, от которого мы не можем убежать, все же получил свою смертельную рану. Христос вонзил в него гвоздь, когда Он отдал свое собственное Тело карателям. «Но те, которые Христовы, распяли плоть со страстями и похотями.» (Гал. 5:24). Раненная до смерти, все же воюющая за свое потерянное господство плоть никогда полностью не оставит нас, пока могила не закроется над нею. Но в Божьей записи мы освобождены как раз сейчас. Но вы не во плоти, а в Духе. На нашем душевном и виновном человеке правосудие привело в исполнение смертный приговор, и оно довольно этим. В словах, прослеженных непогрешимым духом истины, у нас есть запись ее кончины: «*Ибо вы умерли*, и жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге.» (Кол.3:3).

Когда Судия позовет нас, как Он когда-то давно позвал Адама, говоря: «*Где ты?*», Он не будет больше искать живых среди мертвых. Наша жизнь, та жизнь, на которую Он обращает внимание, *сокрыта во Христе*. В Нем Он найдет ее, а не в склепе нашего мертвого человека. Что же это за злые привычки, которые так цепляются за нас, это всего лишь мощи той старой и распятой природы! Что же это за грехи, которые причиняют нам боль и заставляют нас плакать с печалью, как не движения и предсмертные судороги того тела, которое осуждено постановлением креста! Должно нам печально и со стыдом исповедать их; только мы можем с триумфом признать, что «они принадлежат старому человеку и мы несем их в могилу, чтобы похоронить их с их владельцем.» Даже Сатана, глава и подстрекатель всех остальных врагов, был обезоружен и осужден. Христос облекся в плоть, что Он разрушит того, у кого была сила смерти, то есть, дьявола, и «освободит тех, которые от страха смерти через всю жизнь были подвержены рабству.» Возрадуйся тогда, святой, в своем избавлении от «Ужасного Начальника и его знаменосца.» На Голгофе, Христос торжествовал над смертью, став жертвою смерти. Тот вечный ужас, который когда-то был перед тобой, Он Своим крестом поставил навеки за тобой. Этот ужас не может бросить угрожающую тень на твою тропу сейчас. Он не может исторгнуть из твоей души внезапную острую боль предвещающей агонии. «Смерть ужалила себя до смерти, когда она ужалила Христа.» (Ромаин)

Теперь понимая реальность этого единства со Христом в Его смерти и полноту благословений, которые растут из этого, верующему необходимо сделать истину реальной в его собственном опыте. Обозревая то, как Бог положил на наш счет смерть Христа через наше с Ним партнерство, также вы сами положили Его смерть на свой счет и приняли те богатства благодати и милости, которые и так сделали вашими. «В том, что Он умер, то умер однажды для греха ... . Так и *вы почитайте себя мертвыми для греха.*» (Рим. 6:10, 11).

Мы ни в коем случае не скажем, что такая почитание будет безболезненное. Внутри нас Адамова природа медленно отмирает; и перед

повернемся к этому совершенному приношению. И поэтому от такого упования на наказание и омертвление, которое, однако искреннее, является навязыванием себя в ту область жертвы, которую может наполнить только Христос, и от такого поиска в поврежденной и мучимой совести за мир, который, однако честный, является лишь попыткой обнаружить в себе то приношение за грех, которое может быть только найдено в истекающем кровью Агнце Божиим, с какой благодарностью мы поворачиваемся ко Христу распятому, как к нашему единственному месту покоя за утешением! «Дайте мне знать, что я достаточно покаяться и достаточно страдал», – это голос веры, которая все еще в порабощении закона. Голос веры, которая свободна: «Дайте мне знать, что Христос умер вместо грешников, из которых я первый; что Он был оставлен Богом во время этих страшных агоний, потому что Он занял мое место; *что на Его кресте я заплатил наказание за мою вину*. Дайте мне услышать также, что Его кровь очищает меня от всего греха, что я теперь могу явиться перед судилищем Бога не только помилованным, но и невиновным. Позвольте мне осознать великую тайну взаимной замены Христа и верующего или более того их совершенное единство, Он в них и они в Нем, о котором Он выразительно учил; и позвольте мне поверить, что *я на самом деле был распят на Голгофе*, и Он в действительности будет стоять перед престолом в моей личности; Его наказание, мой грех; Его стыд, моя слава; Его терни, мой венец; Его заслуга, моя награда. Истинно Ты ответишь за меня, о Господи, мой Искупитель. На Тебя я уповаю, да не постыжусь.» (Епископ Ле Жун, Le Jeune)

Спрашиваем ли мы тогда, что для нас завершила смерть Христа? Но лучше спросить, чего она не закончила? Подобно пламенному мечу, который выгнал человека из Рая и который обращался в разные стороны, чтобы охранить путь к дереву жизни, это оружие искупления, которым Начальник нашего спасения открыл царствие Небес для всех верующих, представляет острие для каждого врага, который стоит поперек нашего пути.

Мир, дружба с которым была нашей глубочайшей враждой против Бога, так как он притягивал наши самые лучшие привязанности и забирал от Него нашу истиннейшую жизнь, наконец побежден. Крест отделил нас от его порабощенной зависимости. «*Которым для меня мир распят и я для мира*» (Гал. 6:14). Мир может завлечь нас на время; иногда он будет привлекать нас к своим удовольствиям. Но с момента, когда мы познаем себя мертвыми со Христом, тиранство мира разрушается. «*Мы умерли для греха, как же нам жить в нем?*» (Рим. 6:2). Чтобы вернуться обратно в мир, от которого мы только что были отделены, мы должны презирать крест нашего искупления, топча кровь завета, которой мы освящены, и заставляя нашего Господина пройти обратно Скорбный Путь (Via Dolorosa) Его агонии, чтобы мы могли распять Его заново и открыто Его устыдить. *Плоть*, воюющая против Духа, нарушает каждое перемирие с совестью,

5:14), мы понимаем его значение таким, что все человечество умерло потенциально в своем представителе. Таково есть блаженное усмотрение и обусловливание покрытия, если можно так сказать. Но пока Он, который не мог установить никаких пределов Своей любви, «вкусил смерти за каждого человека», увы, как много людей отказалось вкусить Его смерть и через веру признать себя одним с Ним, испробовать свою собственную смерть для греха в Его смерти!

Теперь настолько, насколько Писания ясно запрещают нам расширять возможность живого и спасающего союза со Христом за границами этого внутреннего круга искупления, также ясно следует нашей вере в реальности Христианского единства с нашим Господом запретить нам допускать такие слова, как *номинальный* и *юридический* в пределах границ этого внутреннего круга. Здесь мы находимся за пределами всех юридических фикций. „Мы в Нем, Который – истинна” (1-е Ин. 5:20). И полностью, как мы полагаем, Его смерть была реальной, а не напрасным предложением, также и мы должны верить, что наша смерть в Нем была реальной, так как мы члены Его тела. Крест не разбирается с нашими грехами в отдельности от нас. Он не разрешает нам возложить наши преступления на божественную жертву, а самим стоять вдалеке без личного приобщения к Его страданиям.

При типичном жертвоприношении приносящий возлагал свои руки на голову жертвы и таким образом объявлялось тождество приносящего с приношением. В противоположном типе вера возлагает свою руку на главу Агнца Божьего не только, чтобы передать вину носителю вины, но чтобы она могла присоединить в мрачном единстве страдания грешника и искупительной жертвы. Поэтому суд на кресте чрезвычайно личный. Не только грех, но и природа, не только природа, но и личность приводится на суд. „Зная то, что ветхий наш человек распят с Ним” (Рим. 6:6).

Гвоздь, пронзивший рукописания, которые были против нас, чтобы истребить их, он также вошел глубже и проткнул подчиненных тем постановлением, чтобы наложить на них наказание, которое оно предписывало.

А теперь с этого времени мы пристально смотрим на Христа и Его Церковь, покрытую одинаковыми ранами. И те, кто однажды мог только спросить Искупителя: „Что это за раны на твоих руках?”, теперь могут ответить на свой вопрос, показывая свои собственные руки и говоря: „Я несу на своем теле следы Господа Иисуса.”

В тот час, как некоторые отвергают это наследие креста через свое отвержение Христа, многие также, отвергая грех Адама, отвергают смерть Христа и отталкивают ее от себя. Самый горький вздох, который когда-либо знало человеческое сердце против высказывания Духа: „Ибо как непослушанием одного человека сделались многие грешниками” (Рим. 5:19). Но не может ли быть так, что тот мрачный закон, который в

падение одного человека вовлекает всех остальных, является единственным законом, который через воскресение одного, воскресит многих?

Разоренная общая природа, казалось бы, даже через свое затемненное проклятие провозгласит о возможности искупленной общей природы. Кто знает, если бы люди могли только согрешить и пасть, как отдельные частички, не должны ли бы они быть восстановленными разными искуплениями? Мы не будем размышлять на эту тему. А мы с радостью вернемся к тому, что открыл Бог, что в грехе одного „согрешили все” (Рим. 5:12), таким образом, в наказуемой смерти одного „все умерли” (2-е Кор. 5:14). *Все умерли!* Прекрасные слова! Смерть Христа не идет впереди нашей смерти. Она предполагает и признает ее, как при цивилизованном соглашении, голос представителя подразумевает голос народа. То, что Христос сделал *для нас*, было сделано нами в божественном счете, потому что сделано Им, Который был для нас Главой и Поручителем.

Мы говорим, что Христос умер, чтобы мы жили. В более глубоком смысле это правда, что Он умер, чтобы мы *умерли*, умерли безболезненной смертью для себя, но удовлетворяющей закон – смертью такой интенсивности и заслуги, что она сразу же искупит вину за наши грехи, вместо того, чтобы требовать вечности горя. О, блаженная привилегия! „Вы будете на самом деле пить чашу Мою”, это обещание осуществляется в нас так же как в двух учениках. Но для нас это только чаша благословения. Он пил уксус и желчь боли и агонии. Он оставляет нам только ценное вино утешения. И таким образом мы входим в общение Его страданий и становимся соучастниками Его смерти. „Если один умер за всех, то все умерли”. Но как сильно отличается смерть того Одного от смерти всех! Он перенес боль смерти; они несут только ее заслугу. Он дает бесконечное достоинство этому действию Своею божественностью; они получают покупку того действия в своей человечности. И все же ничто не вычитывается из полной уверенности того, что они умерли. Таково есть „личное посвящение в тайну жертвы”, которое мы получаем по вере. Мы сразу же видим, куда этот благословенный факт помещает нас даже в совершенное примирение с нарушенным законом. Бог сказал: „Душа согрешающая, та умрет”. Душа согрешила и умерла во Христе. Закон сказал: „Проклят всяк, кто не исполняет постоянно всего, что написано в книге закона”. Никто не продолжал действовать в послушании. Но Христос „сделался за нас клятвою”; ибо написано: „*проклят всяк, висящий на древе*” (Гал 3:13). Поэтому распятые со Христом, мы были прокляты в Нем. Ни одна иота, ни одна черта не исчезли из закона, но все было исполнено.

Насколько затрагивающая эта совершенная буквальность, эта негибкая честность, если можно ее так назвать, в деловых отношениях нашего поручительства с законом! И с какой триумфальной уверенностью она позволяет нам обсудить и повторить тот приговор нашего оправдания от осуждения. „*Ибо умерший освободился от греха*” (Рим. 6:7).

Но увы, как медлит наша вера войти в полноту этого Евангелие! Как тот глубокий голод за искуплением, который порождает чувство греха, начинает грызть душу, многие пытаются умиротворить его через простое самораспятие.

Если не плетью или мешковиной отшельника, все еще уксусом и желчью острого угрызения совести, раскаянием кровоточащего и неизцеленного сердца, стремясь удовлетворить тот закон, который из души человека так же как и с уставов книги Бога провозглашает, что без пролития крови не бывает прощения. Нет ничего более мучительного как смотреть на этот поиск креста, который заканчивается только в раненном «я», в сознании, которое налагает на себя гонение за своим миром, и в разбитом духе, который стремится исцелить себя своими собственными ранами. Евангелие как не требует, так и не примет ни одного из таких приношений грешника.

Представить в обратном порядке такое известное мнение легализма, его выразительное заявление – это: «Крест в твоём собственном сердце никогда не спасет твою душу, только крест Голгофы может исцелить тебя.» Здесь, как везде, слова Господина встречают нас, чтобы призвать нас от всей самопомощи, «Без Меня не можете делать ничего». Так высоко, как Небеса над землей, так далеко расстояние от самораспятия *к распятию во Христе*.

Какое живое отображение его собственного опыта мы находим в содержательном комментарии Лютера по этим словам: «Я сораспаялся Христу!» «Павел не говорит здесь о распятии через представление или пример; но он говорит о том *высоком распятии*, посредством которого грех, дьявол, смерть распяты во Христе, а не во мне. Здесь Христос Иисус все делает Сам. Но веря во Христа, по вере я также распят со Христом; поэтому все это распято и мертво во мне. (Комментарии по Галатам). Чтобы перейти от одного к другому требуется только один доверчивый взгляд веры. Но это пройти через «весь существующий диаметр», между беспорочным Агнцем Бога и виновными детьми людей. Бесспорно то, что существует самопожертвование, которое нераздельно от идеи Евангелия ученичества. Но это не то, что осуществляется через получение мира с Богом, а то, что вырастает из мира, уже полученного в распятом Христе. Весь курс божественной жизни – это от Христа к себе, а не от себя ко Христу. Начать искупление в чьих-то собственных страданиях, надеясь, что оно закончится в общении и союзе со Христовыми страданиями, это не только поменять, но и полностью опорочить порядок благодати.

У нас нет ничего своего: душа, тело и дух, ничто не является без порока. И когда мы поймем, что даже наши слезы нуждаются быть омытыми в крови Искупителя, и само наше раскаяние нуждается быть освященными в Его огромной печали, мы тогда с радостью полностью